

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

ОТДАТЬ ДУШУ

Алексей Андреевич Гравицкий

Отдать душу

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121313

А. Гравицкий. Отдать душу: АСТ;

Аннотация

Рассказы Алексея Гравицкого. Приключенческая фантастика...
Увлекательная научная фантастика...

Но прежде всего – юмор! Веселый озорной юмор, перекраивающий и оживляющий классические сюжеты. Фейерверк идей! Взрывоопасный коктейль из иронии и приключений! Прочитайте – не пожалеете!

Содержание

Юмор	5
Жаба голубых кровей	5
Не плюй в колодец	17
Рассекреченные материалы	36
Игра	45
Пирог с яблоками	49
Кошмар на улице Долговязов	65
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алексей Гравицкий

Отдать душу

Алексей Гравицкий

* * *

«Юмор – спасательный круг на волнах жизни».
М. Твен

Юмор

Жаба голубых кровей

На мотив русской народной сказки

Стойте, куда вы так спешите? Ну остановитесь же! Да, я вам. Что? Нет, просто у меня тоже иногда возникает желание по-простому, по-человечески пообщаться, а то сидишь здесь... Ну погодите! Не уходите! Я вот спросить хотел... Хотя как вас спросить, вы ж не поймете, тут надо с самого начала начинать. Ладно, сядьте передохните, а я расскажу одну историю. Слушайте...

* * *

Я перся через лес уже не первый день. Сыро, грязно, холодно по ночам и жарко днем. Ужасно! Просто форменный кошмар, особенно после царского терема. Да, забыл сказать, что я сын царя, царевич значит. Ну, если вам интересно, то начну, как водится, с начала.

Я родился в этом тереме, там прошло все мое детство, там я лишился... Ну чего лишился, того лишился, с каждым бы-

вает. Жизнь моя была похожа на сказку. Пьянки-гулянки с утра и до ночи с друзьями, охота, девки и все такое. И хоть я и младший сын, и у меня есть два брата, но папашиного богатства мне тоже перепало достаточно. Так что грех жаловаться! И вообще, когда ваш папашка царь – это здорово. Могу каждому пожелать, хотя здорово было до определенного времени.

Полтора года назад умерла моя мать. Папашка, хоть и поимел половину прислуги, не говоря уже о придворных дамочках, но мать все-таки любил. Он как-то постарел сразу, из молодежового атлета превратился в дряхлого старика. А теперь совсем плохой стал, крыша у него не то едет, не то течет. Все чегой-то про смерть свою талдычит. Не, вы не подумайте ничего такого, я не против. Один речет, как на бабу забрался, другой, как в сиську надрался... Ой, это я уже почти стихами заговорил! Но я не об этом, я вот о чем. Ведь каждый говорит, о чем думает, а думает, о чем хочет. Ну и пусть папашка мой распрекрасный рассказывает всем и каждому о том, что вот он скоро помрет, вот он будет так в гробу лежать, а вот какая у него рожа при этом будет. Потом о том, как его закопают, как черви будут жрать его разлагающийся труп, как... Вы только не подумайте, что я циник. Нет. Просто, я каждый день выслушивал подобные рассказы. Но даже и это не страшно, хочет – пусть бурчит про то, что нравится, но нельзя же на личность давить.

А было вот как. Будят меня ни свет ни заря и к папашке

зовут. Ну оделся, пошел. Все же он царь и папаша мой. Бра-тишки мои уже с папашей о чем-то шушукаются. Они все-гда от меня все скрывали. Говорили, что я дурачок, трепло, пень безмозглый, ну и еще много всего лестного по поводу моих умственных способностей и способностей, которыми заведует та фигня, что пониже пояса. Ну да бог им судья, я не вмешиваюсь.

Так вот, вхожу я, стало быть, к папашке. Он трепаться с братьями перестал и на меня смотрит, вот-вот дыру протрет.

– Звали? – говорю.

– Звал, – коротко и ясно.

Ну мы, я и братья, встали пред ним, стоим. Он смотрел, смотрел, вздыхал даже. Видно хочет сказать чего-то, да не знает с какого боку подгрести. Смотрю я на него: старый, разваливающийся маразматик, а тут у него еще и душевный разлад ко всему. Жалко мне папашку стало.

– Не молчи, – говорю ему. – Государь, скажи, что от нас хочешь – все сделаем.

Ну вот так всегда, сначала скажу, потом думаю. Братья на меня вылупились, как на дурака последнего, в глазах злоба, чуть не шипят. Зато папашка обрадовался, ожил, даже помолодел... на пару месяцев. Он так радовался, что в первый момент и выговорить-то ничего не мог.

– Дети мои, – начал он наконец. – Я стар и скоро умру. Но я хочу, чтобы вы жили в мире и согласии, чтоб были счастливы. А потому я решил, что вы должны жениться.

– На ком?

– Зачем?

Это выразили свои эмоции мои братья, я сказать ничего не смог, стоял как громом пораженный. Еще бы, я ведь еще не всех баб в царском тереме перелапал, а тут жениться. Зачем? На ком? И вообще, я только начал входить во вкус, получать удовольствие от своей вольной беспутной жизни, и вот на тебе. Нет, не хочу жениться, не хочу спать с одной девкой, когда рядом много других. Не хочу чувствовать ответственность за кого-то, пусть лучше отвечают за меня, а я буду дурака валять. Молодость бывает один раз в жизни, и я не хочу ее терять только потому, что мой шизанутый папаша решил меня женить. Все. Точка. Финита! Баста!!!

– Вы должны найти себе хороших девушек, – продолжал папаша, который, естественно, не слышал протеста, прозвучавшего в моей голове. – Но найти вы их должны не сами – человеку свойственно ошибаться, – а с Божьей помощью.

– Это как? – поинтересовался мой старший братец. Голос его прозвучал с таким сарказмом, что, казалось, яд сейчас закапает на пол и прожжет там хорошенькую дыру.

– Для начала вы должны перестать шалопайничать, – папаша не заметил яда. – Потом вы возьмете и изберете себе жен способом, в основе которого будет лежать везение. Удача. Божественное расположение. Ну например, вы едете в поле, стреляете из лука, смотрите, куда упадет стрела. Первая женщина, что поднимет вашу стрелу, станет вашей же-

ной. Боги всегда жаловали нашу династию, так что опасаться за ценность выбора вам не стоит. Но сначала... – Папаша строго посмотрел на меня и братьев. – Сначала вы должны перестать гулять направо и налево. – Папаша смерил меня испепеляющим взглядом. – Прежде всего, это относится к тебе, Ванюша.

– А если мы откажемся? – попытался найти лазейку средний брат.

– Я отрекусь от трона в пользу своего первого советника и лишу вас наследства.

Это был удар ниже пояса, все это понимали: и отец, и братья, и даже я, хотя меня всегда считали дурнее других.

– Я даю вам неделю времени. На следующей неделе будет первая свадьба. – Папашка дал понять, что аудиенция окончена, и мы побрели к выходу.

* * *

Следующая неделя прошла как нескончаемо долгий ночной кошмар. Началась она с того, что сразу после беседы с папашей мои любящие братья отметили меня без какого-либо повода.

– За что? – просипел я, когда они закончили свою грязную работу.

– Ах, ты не понял? – Удары посыпались новой, еще более яростной, волной, а когда они закончили меня колотить, был

подведен итог: – Чтобы знал, когда рот открывать, а когда не стоит. Дурак!

Последнее замечание было особенно обидно, потому как дураком я себя не считал, хотя и раньше слышал подобные замечания от окружающих. Душа ныла и протестовала, тело болело от незаслуженных побоев, но это все были только цветочки.

Ягодки пошли, когда пришлось отказаться от баб и пьянок и топать на стрельбище. Из лука я не стрелял уже давно, да никогда у меня это особо и не получалось. Тренировка тянулась мучительно долго. Наутро я с трудом встал с постели. Тело болело не только от побоев, но и от борьбы с луком.

Тренировочки продолжались всю неделю, к концу которой я чувствовал себя истерзанным куском мяса. Папашка вызвал нас к себе:

– Ну, вы решили? Вы готовы?

Конечно решили, кто ж откажется от престола и такого состояния, как у моего папашки. Так вот, собрались, поехали в поле. Прискакали, спешились. Папашка чуть не развалился по дороге, ну да хрен с ним. Мой старший братец слезает с коня, натягивает тетиву и... Я долго смеялся. Стрела сорвалась, пролетела несколько метров и грохнулась на землю. Баб поблизости не наблюдалось. Дальше творилось нечто невообразимое. Я ржу, братец – матерится, а сам уже красный как рак. Папашка подумал и изрек:

– Подождем.

Ждать пришлось до вечера. Уже смеркалось, когда неподалеку появилась женская фигурка. Папашка перестал храпеть, братья оживились, а мне стало весело.

– Эй, девушка! – милым, насколько это было возможно, голосом пропел мой старший братец. – Подойди, милая.

Девушка сделала несколько боязливых шагов.

– Да не бойся, дура, – не выдержал братец. – Царский сын тебе ничего дурного не сделает!

Девушка ахнула и упала на колени. Я смеялся уже в голос, а брат, красный от злости, заорал:

– Перестань ржать, дурак! А ты, корова, иди сюда! Ви-

дишь, стрела лежит? Да нет, правее. Еще правее... Дура, теперь левее. Вот! Подними ее и неси сюда. Живо!

* * *

Свадьба тянулась всю следующую неделю. Папашка закатил такую пьянку, какой даже я себе представить не мог. Видимо, мой старикан еще не совсем потерян для общества. Пирушка перемежалась у меня прогулками на стрельбище, и чувствовал я себя после всего этого портянкой, обвисшей и несвежей.

Ровно через неделю мы снова оказались в поле. Второму моему братишке повезло меньше. Стрелу он, правда, запустил несколько дальше, но она всобачилась точнехонько в задницу бабе, что выползла на поляну из леса, собирая грибы. Баба была толстой и некрасивой, а посему мой братишка не очень обрадовался. Всю следующую неделю, пока длилась его свадьба, он пил. Он выпил за эту неделю, наверное, больше, чем за всю предыдущую жизнь. Я ржал от души, за что и был назван, в очередной раз, дураком. Впрочем, это меня не особо тронуло.

Неделя пролетела как минута, настал мой черед. Мы приехали в поле, спешили. Я вскинул лук, натянул тетиву и... И вот я здесь. Стрела, зараза, улетела черт-те куда и лежит сейчас в этом лесу, точнее, в болоте, потому что лес плавно перешел в гнилую топь. Так я вернулся к тому, с чего начал.

Грязно, противно, вонюче. Ночами холодно, днем жарко. А стрелы все не видно, вообще сомневаюсь, что найду в этом дерьме хоть одно существо женского пола. А возвращаться домой с пустыми руками... Нет уж, спасибо. Я и так наслушался, когда моя стрела улетела в неизвестном направлении, мои братья и реготали, и дурнем меня называли, и... Не дай бог никому услышать те слова, которыми они меня называли, такое не представить и во сне не приснится.

Примерно с такими мыслями я и плутал, как вдруг увидел свою стрелу. Вот она, погань, торчит из болотной кочки. Черт, и никаких баб рядом! Я собрался взять свою стрелу, когда увидел здоровую жабу. Жаба вцепилась своей мерзкой пастью в стрелу и пыталась вытянуть ее из земли.

– А ну-ка брысь! – заорал я. – Отвали от моей стрелы.

– А вот и фиг тебе, – пробурчала жаба человеческим голосом, не разжимая челюстей. – Я ее нашла, так что давай, женись на мне.

Верите, меня чуть наизнанку не вывернуло от такого заявления, а она смотрит на меня и говорит:

– Ты, – говорит, – поцелуй меня, Ванюша, и будем счастливы.

– Нет уж, не будет у меня счастья с жабой. В гробу я такое счастье видал. И папашу своего гребаного в белых тапках видел. Вот уж кому спасибо, удружил.

– Ты папу-то не трогай, он у тебя славный. А на мне женись.

– А это видала? – Я продемонстрировал жабе жирный кукиш.

– Не горячись, Ваня, – голос жабы стал сладким, аж приторным. – Ты, конечно, можешь и не жениться на мне, но вот послушай, что я тебе скажу. Я сама царица, просто на мне заклятие лежит. Счастливой я смогу стать только с одним человеком – с тобой. Поцелуй меня и обретешь счастье. Поверь, если поцелуешь, я стану самой красивой и желанной. Ну а не поцелуешь – проворонишь свое счастье, обречешь меня на муки, а имя свое покроешь позором.

– погоди, дай подумать, – сказал я. А ведь и правда. Чем черт не шутит? Ну, если обманула, то проблююсь и домой пойду, а если нет, то счастье у меня в кармане, причем за просто так. – Значит, если я тебя не поцелую, то дурак, а если поцелую, то буду счастливым, богатым, каким еще?

– Сказки про тебя слагать будут.

– Ого! Это что-то новенькое.

– Правда-правда, – заторопилась лягушка. – Я не вру. Ты будешь и царем, и счастливчиком, и я для тебя стану самой красивой.

– Ну ладно, давай. Куда целовать-то? Хоть не в задницу? Ну, давай щеку...

Ну, поцеловал. Ощущения не было никакого. Потом все вдруг резко завертелось, закружилось, деревья стали огромными, болото необъятным, а лягушка прекрасной.

* * *

... Вот так все и было. Теперь вот живу в этом болоте уже год. Я – царь, жена моя – царица, хоть и лягушка, зато самая прекрасная. Все лягушки болота мои. Здесь тепло, влажно и уютно. Болото мой дом родной. Вообще, легко и хорошо быть лягухой, какой я теперь и являюсь. Все, что обещала мне моя жена, сбылось. Вот только папашку жалко да братьев, правда, совсем немного. И еще не знаю, обманули или нет, вот у вас спросить хочу... Скажите, только честно, сказки про меня складывают?

Не плюй в колодец

Тыгдым-тыгдым, тыгдым-тыгдым, тыгдым-тыг-дым. Пс-ш-ш-ш-ш. Поезд вздрогнул и замер. Ну вот и приехали. Я собрал в охапку чемодан и сумки, поблагодарил проводницу и выскочил на перрон. Солнце, зелень, легкий теплый ветерок. А воздух! Какой здесь воздух, особенно после города! Я с удовольствием втянул деревенских ароматов полной грудью, выдохнул.

– Пс-ш-ш-ш, – это уже не я, это поезд. Вагон тронулся, набрал скорость и, улыбнувшись мне на прощание милым личиком проводницы, умчался вдаль. Я закинул сумку за плечо, поднял чемодан и, обойдя кругом станцию, потопал через поле. Идти мне километров пять с гаком, так что пока могу подробно рассказать, кто я, где я, и почему я здесь оказался.

А все очень просто. Вон там за полем лесок, а за леском деревенька, «Бухловкой» (*Деревенька с таким говорящим названием существует в действительности, да вот только автор не имеет к ней никакого отношения и даже не помнит, где таковая находится.*) называется. В Бухловке живет мой брат, старший брат, он там родился. А через два года родители оставили брата на попечение бабушки и подались в город, я родился еще через три года, причем в Москве (так что я коренной москвич). Так мы и росли: я в столице,

а брат в Бухловке, и хотя нас разделяли какие-то значительные по меркам ребенка километры, виделись мы довольно часто. Потом, когда мы выросли, я стал навещать к брату каждое лето, но последние годы и летом у него не бывал. Так сложилось – закрутился, завертелся... Жизнь, одно слово. Сейчас я с радостью шагал через поле, представлял, как увижу его, как он мне обрадуется. И обязательно удивится: я ведь не предупредил, что приеду. Так что сюрпризец братишку ожидает.

Я прибавил ходу и почти вприпрыжку поскакал по тропинке через лесок. Странно, сколько лет прошло, а ведь помню эту тропинку во всех подробностях. Вон там я в шесть лет с велосипеда грохнулся, коленку расшиб. Больно было. А вон за той елкой муравейник, я как-то на него пописал, а мураши меня покусали. И правильно, так и надо дураку сопливному, хамить не надо было. А вот тут... Тут кончается лесок и открывается прелестнейший вид. Вот моя деревня, вот мой дом родной. Во-он тот, шестой от угла, зелененький с белыми ставенками и наличниками, крыша железом крытая. Я ощутил какую-то совершенно детскую радость и, стараясь не потерять этого чувства, помчался к домам.

Вот я уже и у покосившегося заборчика. Тихо скрипнула калитка, я вошел во двор и увидел брата.

Он сидел на крылечке, привалившись к перилам спиной ко мне. Я тихо подошел к брату, явился пред его светлы очи, да только напрасно – брат спал. Я потряс его за плечо, ти-

хонько позвал по имени. Он вздрогнул, разлепил глаза, тупо посмотрел на меня, отмахнулся, как от наваждения, и снова закрыл глаза.

– Мишка, мать твою! – не выдержал я. – Я голодный приехал, неужели ты дашь помереть с голоду родному брату?

Моя реплика подействовала лучше, чем ведро ледяной воды из колодца, которой я признаться уже собирался его окатить. Мишка подскочил, какую-то долю секунды еще плялил на меня, отгоняя сон, и наконец напрыгнул на меня, обхватил стальными ручищами, забарабанил лопатами ладоней по спине:

– Колюня! Колька, черт! Ты как здесь?

– В гости к тебе приехал, – ответил я, когда мы разомкнули крепкие братские объятия. – А ты спишь, и куда это Галка смотрит?

– Да никуда она не смотрит, – небрежно махнул рукой Мишка. – Она с детьми на юга укатила. А я один уже неделю сижу и еще недели три сидеть буду.

– Ты что это, серьезно?

– А то! Теперь-то мы с тобой гульнем по полной программе. Ты надолго?

– Дык... Недели на три, – улыбнулся я, и мы расхохотались.

– Ну, за встречу! – Мишка поднял грубый и довольно вместительный стопарик, влил в себя желтоватый самогон, крякнул и замер, прислушиваясь к ощущениям.

– Ты этот тост уже четвертый раз поднимаешь, – напомнил я, выждав, когда самогон прокатится по его пищеводу и осядет в желудке.

– Неправда, – возмутился брат. – Еще за баб пили.

– Угу, и за мир во всем мире. Только тоста мы с тобой всего три насчитали, а бутылка почти пустая.

– У меня еще есть, – умиротворенно сообщил брат и расплылся в такой улыбке, что смотреть на него без умиления было невозможно.

– Да я не об этом. Неинтеллигентно пьем, третий нужен. Может, кого свистнуть?

– Так эта... Ваську. Ну да, его баба с моей на курорт уехала, а мужик чахнет в одиночестве. Пошли?

– Пошли.

Сказано – сделано. Через десять минут мы усаживались за стол втроем. Васька с трудом унял голодный блеск в глазах, разлил остатки самогона, поднял стопарь.

– Давай, Василий, – подбодрил я. – Выдай нам свежий тост.

– Ну-у-у... – Вася поерзал на стуле, собрался с духом и

выдал что-то новенькое: – За встречу!

Мишка, который, не дожидаясь окончания речи, запрокинул голову и методично вливал в себя мутно-желтое зелье, поперхнулся. Я так и не смог сдержать улыбки.

– Я что-то не так сказал? – покосился на нас Вася.

* * *

Солнце слепило даже сквозь сомкнутые веки, я открыл глаза, щурясь поднялся. Внизу на кухоньке Мишка стряпал что-то на завтрак.

– Привет, – бросил я от двери.

– Здорово, братишка, – заулыбался Мишка. Он оторвался от плитки и скворчащих сковородок, потянулся к шкафчику и зазвенел стопками. – Давай по чуть-чуть. С утра не выпил – день пропал.

– Погоди, – вспомнил я. – А Васька где?

– Васька? Да спит небось. Как он тебе?

– Хороший мужик. Так пойдем его разбудим, а уж потом вместе...

– Прав, как всегда, – хлопнул меня по плечу Мишка. – Пойдем.

Мы обыскали весь дом, но Васьки так и не нашли. На всякий случай мы прошлись по дому еще два раза, посмотрели на огороде, в сортире – никого. Пошли к Ваське домой, но на наши вопли откликнулась только соседская собака. Вась-

ка пропал!

* * *

Василий проснулся посреди ночи. Лежал он на лавке возле стола в соседском доме. Уж что-что, а лавку-то эту он хорошо знал. Василий потянулся, приподнял голову и оглядел стол в поисках чего-то, что могло залить пожар во рту. Как назло, на столе из жидкостей обнаружались лишь остатки самогона. Он тяжело вздохнул, поднялся с лавки и пошел на двор. Невыветрившийся самогон притупил способности его мозгов. Василий стоял на крылечке и долго соображал, выстраивал план действий. Сначала он пошел в сортир, но так и не дошел – полил близлежащие грядки, потом он вспомнил про высохший рот и пошел к колодезю. Колодец находился в дальнем углу двора. Василий взял ведро и стал потихоньку опускать в колодец, до тех пор пока не услышал тихий всплеск. Веревка натянулась, и он потянул ведро на себя. Пальцы слушались плохо, поэтому немудрено, что веревка сорвалась и под тяжестью полного ведра полетела обратно в колодец. И что самое обидное, произошло это тогда, когда ведро было уже у самого края.

Василий помянул чью-то маму и потянул необыкновенно легкую веревку вверх. На его беду веревка вскоре кончилась, причем не ведром, как того следовало ожидать, а лохматым обрывком. Василий зашептал себе под нос историю

чей-то семьи, делая упор на родственников по женской линии, и зло сплюнул в колодец. Когда запас матерей и бабок в его голове иссяк, пьяный Василий перевалился через край колодца и позвал с тоской и безнадеегой в голосе:

– Ведерка-а-а-а!

– А-а-а-а-а... – отозвался колодец.

– Иди ко мне! – обрадовался Василий.

– Не-е... – донеслось из колодца.

– Тогда я сейчас сам спущусь к тебе! – пригрозил Василий.

– Бе-бе-бе... – откликнулся колодец.

– Ах, ты дразниться! Ну, я тебе...

Верно, правду говорят, что у пьяных свой ангел-хранитель. Иначе как объяснить то, что Василий свалился в колодец и остался жив, здоров и невредим?

* * *

– Куда он делся? – недоумевал Мишка. – Так хорошо сидели, и вдруг на тебе – как сквозь землю.

– Да ладно, – я попытался успокоить брата. – Ничего с ним не сделается, чай инопланетян, маньяков и нежити здесь нет. А раз так, то небось по бабам побег.

– Вот именно! – Брат взбеленился еще больше. – И что самое главное, без меня гад побег по бабам-то!

Голос брата приглушил чей-то далекий крик. Или мне по-

казалось? Я резко остановился, прислушался. Тишина.

– Ты чего? – удивился Мишка.

– Ничего. Ты ничего не слышал?

– Нет. А что?

– Ничего.

– Мужики-и-и! – донеслось снова, причем более отчетливо.

– О, слышал, – обрадовался Мишка. – Это ж Васютка!

Голос позвал снова, мы побежали на звук и уткнулись в колодец.

– Мужики! Выньт-те мен-ня отсю-сюда, – застучал зубами Васька, когда мы заглянули в колодец и увидали его макушку, колыхающуюся над водой.

– Васек! Ты как туда забрался, а? А мы думали, ты по бабам побег, – весело загудел Мишка.

– Какие бабы! Я попить пошел, а ведро утопло, а я спьяну за ним и ухнулся. Вмиг протрезвел! – затараторил Василий. – Вы меня выньте отсюда, будьте так добры. Пожалуйста!

– Да погоди ты, – ответил я в колодец. – Сейчас веревку найдем и вытянем. Миш, у тебя веревка есть?

– Есть, только она вместе с ведром и этим придурком в колодце. А еще есть другая, на ней Галька белье сушит, только она тонкая.

– Тащи!

Но веревка действительно оказалась тонкой и осталась

ненужным обрывком в руках промокшего Васьки.

– Говорил же, что этого кабана такой шнурок не выдержит, – прокомментировал ситуацию Мишка. – Что теперь?

– Да ничего, пойдем к соседям, попросим помочь.

– Ты что, сдурел? – испугался брат. – Они ж все жене растрепят. Знаешь, что она со мной сделает? Да и с тобой тоже.

– Со мной не сделает, к тому времени, как она вернется, меня здесь уже не будет.

– Значит, ты хочешь, чтобы я за двоих получил? Спасибо. Так не пойдет, придумывай что хочешь, но справиться должны своими силами.

– Мужики! Вы чо, заснули?

– Думаем мы, Васька, думаем.

– Пока вы думаете, – заныл Василий. – Я здесь от холода околею. Я ведь здесь с ночи сижу.

– Миш, дай ты ему бутылку туда, пусть погреемся. И пошли веревку другую искать.

Василий сидел в колодце и трясся от холода. Хорошо еще – самогонки дали, может, полегчает. Василий приложился к горлышку, отпил. Интересно, скоро они там? Поскорее бы. Он еще раз глотнул из бутылки, завинтил пробку и посмотрел вверх. Солнце уже далеко отползло от края колодца и смотрело на него теперь сверху вниз, как издевалось. Василий вздрогнул и полез за бутылкой. Сделав пару крупных глотков, он собрался завинтить заветный сосуд, но не успел. Вода перед ним вспенилась, и он увидел приятное девичье

личико с зелеными волосами. Вслед за личиком показалась шея, плечи, крупная грудь с зелеными бусинами сосков. Зеленоволоска вылезла из воды по пояс и подмигнула Ваське.

– Ты кто?

– Дай глотнуть из бутылки – скажу, – ухмыльнулась девица.

Василий протянул бутылку, и девка надолго присосалась к горлышку, глаза ее заблестели, улыбка стала шире.

– Русалка я, – протягивая бутылку, сообщила она. – Живу здесь рядом. Услышала возню вашу, дай, думаю, загляну, может, чего надо. Тебе ничего не надо? – голос ее стал масляным, тон явно недвусмысленным, да и глядела она на мужика призывно.

– Ничего мне от тебя не треба, – пробормотал Василий, с затаенной тоской оглядывая пышный бюст с зелеными сосками. – Ты мертвая, холодная и противная.

– Сам ты противный, да я краше всех девок, что в вашей деревне живут. И не мертвая я, живая, можешь проверить. А кто из нас холоднее, еще вопрос, не я же который час в ледяной воде сижу.

– Живая, говоришь? А чо у тебя патлы зеленые?

– А чего у тебя борода рыжая? – отозвалась русалка.

– Ну не знаю...

– Холодная? А ну-ка дай бутылку! – Русалка залудила такую дозу, что у Васьки глаза на лоб полезли. – Сейчас узнаем, кто из нас погорячее, – пробормотала русалка и ушла под воду. Через секунду Василий почувствовал чье-то при-

сутствие в своих штанах.

* * *

– Нету веревки! Черт, и как его теперь вытаскивать?

Мишка злился: час, который мы провели, перерывая весь дом в поисках веревки, ничего хорошего нам не дал.

– Не волнуйся, – попытался урезонить я брата.

– Да я и не волнуюсь. Пошли хлопнем, может, мысли лучше потекут.

Я не стал спорить, в конце концов Васька там пьет в коллodge, так почему нам здесь нельзя. Мы уселись на кухоньке, хлопнули по стопарю, потом еще, потом Мишка закурил, а я задумался.

– Слушай, а если еще посмотреть?

– Где? – зло сверкнул в меня глазами брат. – Весь дом кверху дном перевернули.

– А здесь? На кухне? Ведь не смотрели.

– А где тут смотреть?

– Да вон хоть в том ящике. Чего в нем?

– А я почему знаю? Тут не я, а Галка хозяйничает.

Я вытянул из-под стола ящик, поковырялся и открыл его. В ящике лежала потрясающая статуэтка. Старичок в метр высотой смотрел пристально, с хитрецей. Я поставил старичка на стол, оглядел с ног до головы тонкую работу неизвестного мастера: миниатюрную фигурку, смешливое старческое

лицо, длинную жидкую бородачку. Я постучал статуэтку по лбу – вроде деревянный.

– Это из чего? – спросил я Мишку. – Из дерева?

– Сам ты из дерева! – Старичок пошевелился, разминая конечности, и сел на край стола, свесив ноги. – А я из плоти и крови, вот.

Мы с Мишкой застыли, не сводя глаз со «статуэтки», а дед потупил глазки:

– Ну, чего смотрите? Домовых не видали? – зло спросил он.

– Ты... Вы домовой? – пробормотал мой брат. – Мой собственный домовой? А почему я про тебя не знал ничего?

– А ты интересовался? – ухмыльнулся старикан. – И потом, пока во мне нужды нет, я не показываюсь принципиально.

– А сейчас что, нужда появилась? – заинтересовался я.

– А то, я слышал, беда у вас, друг в колодезь провалился, а вытащить не можете. Так?

– Так, – нахмурился Мишка.

– Ну а раз так, то айда за мной. Знаю я, где веревка лежит добрая. – Старичок спрыгнул со стола и поковылял к двери.

* * *

Когда мы втроем подошли к колодезю, оттуда доносилось пьяное пение:

Хорошо в деревне летом,
Пристает г... к штиблетам.
Выйдешь в поле, сядешь с... гм, хм...
Далеко тебя видать.

Васька похихикал, смолк, а потом опять запел, но теперь уже тонким пронзительным голосом:

Полюбила парня я,
Оказался без...
На... мне без...
Когда с... до...

– Василь, кончай свои песнопения, – оборвал я пьяного пошляка, кидая в колодец конец веревки. – Держи канат, тягать тебя будем.

– Дер-ик-ржу, – сообщил Васька своим обычным хриплым голосом.

– Тянем, – сообщил я и потянул на себя веревку.

Мишка и мелкий дедок принялись мне помогать.

– Ты как там? – спросил Мишка, когда мы вытянули полтора метра веревки.

– Хорошо-о-о-о! – донеслось из колодца, потом раздался всплеск и сердитое ворчание, из которого я расслышал только «твою мать».

– А ну-ка тяните, – приказал я.

Старик и Мишка быстро выдернули из колодца оборванную веревку.

– «Добрая веревка», – передразнил Мишка старика. – «Знаю, где лежит», тьфу! Да она ж гнилая.

– И на старухе бывает прореха, – поведал домовый. – Ты бы, Мишань, не серчал, а накатил бы граммов эдак сто. Может, и еще про каку веревку вспомню.

– Ну да, – огрызнулся брат. – Накати ему! Нешто я добро на такого пня замшелого переводить буду? Фигушки, не дождетесь от меня.

Старик запыхтел и обиженно отвернулся, Мишка открыл рот, собираясь послать его куда подальше, а я так и не решил, чью сторону принять. Назревала ссора, но тут случилось непредвиденное. На сей раз с открытыми ртами оказались не только мы с братом, но и старикан. Прямо перед нами на двор садилось металлическое летающее блюдо. А может быть, и тарелка, не знаю, как теперь это обозвать. Не долетев до земли двух метров, блестящий диск застыл. В цельной структуре диска появилась трещинка, вниз спустилась лесенка эскалатора, и на утопанный пыльный двор ступила зеленая нога. Чучело (а как иначе обозвать эту дрянь?) спустилось на землю и застрекотало так, будто говорила машина:

– Жители Земли, я, Гомункул Эхтипентропский, рад приветствовать вас. Прознав про вашу беду, наш Межгалактический Союз по устранению экстремальных ситуаций послал

меня к вам на выручку. Чем я могу быть полезен братьям по разуму?

– Ты его видишь? – спросил меня брат.

– Да вроде, – выдавил я ошалело.

– И я вижу, – в голосе Мишки появилась дрожь. – Все, братишка, допились до чертей.

– Надеюсь, вы извините, что встречаю в вашу беседу, но я его тоже вижу, – прошамкал метровый старик.

– И что? – огрызнулся Мишка.

– А то, что я не пил ни капли, – начал закипать домовый.

– Ладно, мужики, – остановил я разгорающуюся склоку. – Тут разобраться надо.

Я прошел через двор, приглядываясь к зеленому существу. Оно было не выше домового, с большой головой, локаторами вместо ушей и канцелярской кнопкой вместо носа. Щуплое тело пришельца обтягивал блестящий скафандр. Я остановился в метре от трапа и церемонно поклонился. (А как иначе? Я ж никогда с пришельцами не общался, кто знает, как себя с ними вести.)

– Приветствую тебя, Гомункул Этилпропилтропский! – провозгласил я.

– Эхтипентропский, – миролюбиво поправил пришелец.

– Приветствую, – повторил я, пропуская его имя. – Ты прав, сын далекой планеты, нам нужна помощь. Мой друг Василий Разумный пал ночью вон в ту скважину, что дает нам воду. Мы не в силах вытащить его, помоги нам, внеземной друг.

– Хорошо, – заулыбался зеленый человечек. – Можно взглянуть?

Я кивнул, и Гомункул прошел к колодцу.

– Да их там двое! – удивленно распахнул глаза инопланетянин.

– Как двое?

– То есть как?

– Сейчас посмотрим, – сообщил инопланетянин и достал из кармана маленький приборчик. Щелкнула кнопка, из приборчика выскочила тоненькая нить и исчезла в колодце. – Держитесь! – крикнул Гомункул.

– Держимся! – донеслось из колодца.

Инопланетянин нажал другую кнопку, нить потянулась обратно в прибор. Через несколько секунд над краем колодца под наши дружные аплодисменты появился Васька и... абсолютно голая баба с зелеными патлами и рыбьим хвостом. Это было уже чересчур для одного дня, а кроме того,

Васька с бабой продрогли, и мы вернулись в дом, и сели за стол, и начался наконец долгожданный отпуск.

Такого бурного веселья я не помню, классно отдохнул. Приезжайте к нам в Бухловку, здорово там, лучше нигде нет.

* * *

Бу-бух, бу-бух, бу-бух, бу-бух. Господи, и почему эти поезда такие шумные? Колеса бухают, разрывая на части и без того больную голову. Хорошо еще проводница сжалилась, принесла бутылку пива. Я отдохнувший возвращаюсь в Москву. Пока дребезжащий поезд раздражает мои барабанные перепонки и, покачиваясь, напоминает, что в конце вагона имеется туалет, я мог бы рассказать вам еще много историй. О том, как мы с домовым ходили на рыбалку, или о том, как поспорили Мишка с Гомункулом, кто лучше напугает Мишкину собаку. Стоит ли упоминать о том, что огромный дворовый пес с тех пор лает с заиканием? Если бы я писал эротический роман, я бы обязательно вспомнил русалку. А еще я бы рассказал, как мы провожали Гомункула и как выменяли у него «прибор для доставания дураков из колодца» на двухлитровую бутылку самогона.

Я бы мог, но делать этого не стану. После второй недели отпуска память стала подводить меня, и теперь я не уверен, что из описанного мной происходило на самом деле, а что родилось в больной голове. Домовой был точно, насчет зеле-

ных я уже сомневаюсь. А может, и деда не было? Ладно, какая разница, главное отдохнул по-человечески. И брата по-видал. То, что от брата еду – это точно. Нет, не было и не будет другого такого места на моей любимой планете, как дом моего брата. Только оттуда я возвращаюсь таким отдохнувшим и с такой дикой головной болью.

Рассекреченные материалы

Пародия на дубовое американское кино и его многочисленные продолжения

Автор выражает свою признательность господам америкосам. Выпуская дерьмовое кино, вы даете материал для пародии.

Агент рассекреченного отдела ФБР Фокс Скалдер откинулся на спинку кресла и потер уставшие глаза. Компьютер утомляет, особенно когда шесть часов подряд самоотверженно режешься в порнографическую игрушку на благо Соединенных Штатов. Когда Скалдер подумал о благе США, ему страстно захотелось встать и спеть гимн великой родины.

И он даже поднялся, похрустывая костями – чертово отложение солей! – но спеть не успел. Дверь распахнулась и в комнату влетела его напарница, неутомимая агент Малли.

– Привет! – обрадовался Скалдер.

– Тут не до приветствий, Фокс, – затараторила Малли. – Ты только глянь, что происходит! За три дня пропало семь человек, и это в пяти милях от города! Ты представляешь?

– Маньяк? – предположил Скалдер. Работать ему не хотелось, а маньяками займется и обычная полиция.

– Нет, – заспешила Малли. – Нам удалось найти свиде-

тельство того, что...

Она продолжала тараторить, а Скалдер, при мысли о ма-
ньяке, представил себя героем игрушки, в которую только
что резался. Малли же представлялась ему прикованной на-
ручниками к спинке кровати и...

Скалдер плотоядно улыбнулся, потянулся с хрустом.

– ...Это может быть взеземное существо, – закончила
Малли.

– «Чужих» насмотрелась? – подколот Скалдер и, посмот-
рев на обидевшуюся Малли, добавил: – Будем работать.

– Поезжай на место и во всем разберись, – распорядилась
Малли.

– А ты?

– А я полазаю по компьютеру, может, найду что-то по это-
му поводу.

* * *

В тот день Эплзу показалось, что у него тридцать три зуба.
Или не показалось? Он долго стоял перед зеркалом, водил
пальцем по зубам и каждый раз сбивался со счета. Когда на
следующее утро он проснулся с тридцатью шестью зубами,
всяческие сомнения пропали. Ура! В голове американца за-
шуршали мысли: теперь он попадет в книгу рекордов Гин-
неса, станет известным, получит много денег. А может, его
даже пригласят в Голливуд? Эплз зажмурился и представил

себя в бассейне. В руке он зажимал бокал с коктейлем, а рядом резвились две обнаженные, грудастые фотомодели.

Звездная болезнь прошла на другое утро, когда он обнаружил, что зубы растут уже в два ряда, а вместо редких волос на груди появилась такая же редкая чешуя. И еще ему захотелось мяса. Человеческого мяса!

В душе зародилась паника. А когда, спустя неделю, он пошел в туалет и обнаружил, что в том месте, где было это самое... орудие детопроизводства, ноги стали срастаться, превращаясь в хвост, он обезумел и, выбежав из дома, понесся в ночь, не разбирая дороги.

* * *

Агент рассекреченного отдела ФБР Фокс Скалдер ехал на своем ярко-желтом БМВ по загородной дороге. Фонари тускло освещали ночное шоссе. Из тьмы выскочил белый квадрат рекламного щита. Скалдер вдавил тормоз, БМВ с визгом остановилась.

Скалдер вылез из машины и, осторожно оглядываясь, подошел к плакату. «Хочешь найти истину? Поезжай налево». Фокс тяжело вздохнул, вспоминая все свои походы налево, и полез в машину. БМВ тронулась с места и, набирая скорость, свернула на неприметную дорожку, что уходила в лес. Влево от шоссе.

* * *

Когда сознание очистилось и он смог хоть как-то мыслить, Эплз почувствовал, что он очень голоден. Больше того, желудок возмущенно урчал, а кишки просто требовали человеческого мяса. Отталкиваясь уродливым хвостом от земли, Эплз побрел сквозь лес и вскоре наткнулся на человека, что стоял к нему спиной и справлял нужду под куст.

«Еда!» – пронеслось в голове, и Эплз, сам того не желая, ринулся вперед. Не было крика, не было стога, только хруст и сытое чавканье.

Когда все было кончено, Эплз подобрал обрывки одежды и выудил из кармана документы. «Директор представительства фирмы „Гербалайф“ в пригороде города такого-то».

– Хм, – произнес вслух Эплз. – Вкусный был директор. Где это представительство?

* * *

Агент рассекреченного отдела ФБР Фокс Скалдер оторвался от плаката: «Хочешь найти истину? Поезжай направо». Ехать направо хотелось еще меньше, чем налево, но есть у агентов ФБР такое понятие, как «надо». Скалдер вздохнул и вернулся к машине. «Истина где-то рядом», – не отпускала

агента трезвая мысль.

Истина открылась через пару миль. Он предстала агенту в виде небольшого коттеджа и очередного плаката: «Хочешь похудеть? Спроси у нас как. Гербалайф – прописная истина».

Агент остановил машину и пошел к коттеджу.

– Агент ФБР, а агент ФБР, я тебя съем! – прозвучало из темноты.

Фокс вздрогнул. Сзади раздался смешок, и что-то больно вцепилось в плечо. Скалдера развернуло, и он увидел... Ой, лучше б он этого не видел. Мерзкое, слюнявое чудовище раскачивалось, балансируя на уродливом рыбьем хвосте. Вокруг пасти размазалась и запеклась кровь. Явно не этой твари, а ее ужина. Скалдер почувствовал, что в штанах стало тепло и сыро. К чему бы это?

– Да не трясись ты так, – усмехнулось чудище. – Не съем я тебя. Я зарок дал.

– Ты кто? – спросил агент, потихоньку начиная приходить в себя.

– Я такой же человек, как и ты... То есть был таким же. Моя фамилия Эплз. Вот, возьми.

Мерзкая лапа протянула Скалдеру маленькую коробочку.

– Что это?

– Аудиокассета, – пояснил Эплз. – Там я записал все, что со мной случилось. И еще, я раскаиваюсь, что съел семь сотрудников славной фирмы «Гербалайф», передайте мои ис-

кренные соболезнования родным и близким. А теперь уходите.

– Почему? – не понял Фоке.

– Я буду умирать, – с пафосом провозгласил выродок.

– Как? Почему? – растерялся Скалдер.

– С голоду, – терпеливо объяснил уродец. – Я не могу есть ничего, кроме человеческого мяса, а его я есть тоже не могу.

– Совесть замучила? – попытался догадаться агент.

– Какая совесть! – отмахнулся Эплз. – У меня организм человечину не приемлет, как оказалось. Вон, поди в кусты, там все семеро, что сожрал, и валяются.

– Как?

– А вот так, – усмехнулся уродец. – Я их сначала в себя, а потом из себя. Не перевариваются они, а ничего другого я есть не могу. Все остальное для меня смертельный яд. Все, иди. Дай мне умереть спокойно.

Скалдер кивнул и попятился. Когда мерзкий силуэт скрылся за деревьями, он развернулся и побежал. Дикий рев догнал его на полпути к дороге. Скалдер припустил сильнее и, только выбравшись на шоссе, понял, что машина осталась в лесу.

– Fuck you! – выругался агент. В голове застряла мысль, что когда эту историю будут переводить на русский, его реплика прозвучит как: «Что за день такой сегодня?!» – ну или что-то в этом духе.

С такими мыслями агент прогуливался до самого утра.

А когда черноту ночи сменила серость рассвета, он рискнул вернуться за машиной.

Труп Эплза валялся рядом с БМВ, вокруг него роились мухи. Фокс сдержал рвотный позыв и хлопнул дверцей. Машина с рокотом завелась и понеслась обратно к городу.

* * *

– Я выяснила, почему произошла трансмутация. – Малли ворвалась в комнату, оторвав Скалдера от его порноигрушки.

– Ты о чем? – недовольно буркнул агент, поспешно выключая игрушку.

– Все о том же, Фокс. Я проанализировала запись Эплза. Вот, смотри, тут он говорит о том, что накануне начала метаморфозы он перебрал и наутропил воду из сливного бачка.

– Почему из сливного бачка?

– Потому, что воду в его доме в тот день отключили: авария. А потом, когда вода в бачке закончилась, онпил жирное молоко. Целых полтора процента жирности! Представляешь?

– И что?

– Как что? Я предполагаю, что алкоголь в смеси с веществами, содержащимися в отстоявшейся сырой воде, и жирным молоком послужили поводом для перестройки организма.

– Не думаю, – резко бросил Скалдер. – Раньше Эплз говорил о том, что видел необычное явление: чистый свет, имеющий форму диска. И напился он только потому, что ему никто не поверил, когда он рассказывал об этом наблюдении. Я думаю, что трансформация произошла под воздействием излучения, примененного инопланетным объектом.

Он поднял глаза на Малли, та насупилась.

– Ладно, – примирительно сказал он. – Будем работать!

– Тогда ты отработывай своих инопланетян, а я пойду самоотверженно пить воду из сливного бачка и жирное молоко.

Скалдер вздохнул и поднялся из-за стола. Работать не хотелось, куда как приятнее резаться в порноигрушку.

* * *

Прошло полгода. Агенты Скалдер и Малли вышли на след инопланетян и изловили их. Однако на этом дело не кончилось. Оказалось, что инопланетяне действовали не по своей воле, ими правила мощная длань жидомасонства. Поймав всех жидов и всех масонов, Скалдер вышел на мыслящий вирус, а Малли – на разумную биомассу. Действия как плазмы, так и вируса контролировало что-то, посылающее сигнал со дна океана. Сейчас агенты заняты разработкой версии об искусственном интеллекте, что подает сигнал с места, где, по предположениям ученых, затонула Атлантида.

Рассекреченный отдел ФБР рассекретили окончательно. Теперь его работу воспевают не только в книгах и фильмах. О бесстрашных агентах пишут песни и снимают рекламные ролики, которые ФБР заказывает для поднятия собственного рейтинга.

Агент Скалдер прошел порнографическую игрушку.

Игра

Мы появились на свет ради этой игры. Нас вырастили и воспитали для того, чтобы мы один раз приняли в ней участие. Для кого или для чего проводится игра? Никто из нас не знал ответа на этот вопрос. Зато мы знали правила. С самого детства нам вдалбливали их в головы. И каждый из нас знал, что должен победить, так как победитель получает все, а проигравшие – ничего, кроме скорой смерти. И еще мы знали, что никто из нас не мог отказаться от участия.

* * *

К этому дню меня готовили всю жизнь. Не только меня, нас всех. И хотя никто не знал заранее, когда он настанет, все знали, как это будет. А все оказалось очень просто, и даже трепета в душе не было.

В зале, где мы собрались, было душно и шумно. Здесь уже были многие, я кивал, приветствовал, протискивался сквозь толпу. Потом остановился у стены и принялся ждать, говорить сейчас мне ни с кем не хотелось. Ведь каждый знал, что если он выиграет, то остальные... Остальных не будет. Хотя находились хитрецы, которые стоваривались, объединялись и надеялись вырвать победу одну на двоих, а то и на троих. И каждый надеялся на победу.

Я тоже надеялся, потому смотрел на остальных, как на покойников. Покойники заполнили зал, покойники входили, а точнее уже втекали рекой, покойники разговаривали и шутили, покойники молча стояли и хмуро озирались по сторонам. Ну, пусть они еще не умерли, но если я выиграю, их смерть не за горами. А раз так, то о чем я могу с ними говорить? И как вообще я могу с ними говорить? Ведь их не будет, а я получу все.

Зал заполнился и переполнился. Здесь были все: все, кого я знал близко, и все, кого я плохо знал или не знал вовсе. Здесь были совсем молодые и успевшие пожить, мудрые и кретины, красавцы и уроды. Здесь были все. В зале стало невыносимо душно, воздух наполнился запахом потных тел. А потом дали старт, и игра началась.

Я даже сообразить ничего не успел, как толпа ринулась в непомерно узкий проход. Кто-то пронзительно заорал в экстазе, кто-то тихонько всхлипнул, раздавленный в лепешку. Меня подхватило и понесло вперед, я даже двигаться не мог. Внезапно меня обуял страх. Я испугался быть раздавленным. Я старался не дышать. Я потерял все ощущения, кроме паники, которая уже витала над толпой.

Именно эта паника, этот страх заставили меня бежать, нестись вперед. Вперед! Я не заметил, как это произошло, но совершенно неожиданно оказался впереди. Мелькали стены коридора, прыгали в бешеном темпе. Коридор поворачивал неожиданно резко, угрожая ударить очередной стеной.

Я продолжал бежать, я радовался, что вырвался вперед. И я продолжал бояться. Правда, теперешний страх был вызван не боязнью быть раздавленным, а боязнью потерять свое первое место в этой бешеной гонке.

Совсем рядом, сзади, раздалось надсадное дыхание. Я не рискнул оглянуться, только чуть покосился в ту сторону. За мной несся Минька-косорылый. Кличку он получил за неказистый вид, а имя... Я поднажал, теряя мысль, притормозил на очередном повороте и помчался дальше. Сзади донесся шлепок и сдавленный хрип. Минька не вписался в поворот, и его размазало по стене.

Почему-то мне вспомнилось, что косорылым назвал его именно я. И даже не потому, что он был особенно уродлив, а потому, что в детстве он навешал мне по шее. А еще я вспомнил его имя: его звали Михаил.

Звуки погони снова стали настигать меня, и я прибавил ходу. Я должен быть первым. Я и так первый, так что теперь уступить тем более нельзя. Я вырву эту победу!

И я победил. Когда меня уже почти настигли, когда сил уже не осталось, когда я упал, огляделся, с ужасом видя, что оказался в тупике и бежать уже некуда, тогда я понял, что победил. Странная, однако, эта штука – победа.

– Кто? – услышал я отдаленный, будто отгороженный от меня стеной тумана, хриплый от дикой гонки голос. – Кто?

– Не знаю, – ответил другой. – Я первый раз видел этого парня. Повезло ему.

– Это еще вопрос, кому повезло, – мрачно усомнился первый. – Он переиграл нас, но что останется в нем от него самого? Он будет меняться теперь, пока полностью не изменит своей сущности. А потом он даже не сможет вспомнить, кем был. Победитель ничего не получает, а только теряет. Так чего в этом хорошего?

– Я склонен не согласиться хотя бы потому, что он будет жить, а мы умрем. И потом, чего же ты рвался к этой победе, если победитель ничего не получает? – удивился второй.

– Инстинкт, – тоном знатока сообщил первый. – У нас это в крови, мы с этим рождаемся. К тому же в нас это всю жизнь вдалбливают, готовят к игре. Он победил, я проиграл. По идее, мне должно быть плохо, но я не жалуясь, я прозрел. Я получил то, чего нет у него – знание. Я понял, как устроен этот мир.

– Допустим, – усмехнулся второй. – И что? С этим знанием и подохнешь...

Они говорили еще долго, а я лежал, пытался отдышаться и слушал. И не верил тому, что слышал, но они оказались правы. Я действительно стал другим, совсем другим, я перестал быть собой, став частью чего-то большего. Я не знал, плохо это или хорошо, я знал, что так должно быть, так было всегда, так стало теперь. Я победил в игре, я потерял себя, и я получил все, хоть и не знал, что значит это «все».

А через девять месяцев я родился.

Пирог с яблоками

«Искушение для искушенных»

Из одного замечательного рекламного ролика

Душу дьяволу я решил продать давно, еще в начальной школе. Правда, нам тогда говорили, что дьявола никакого нет и бога нет, и жизни после смерти нет. А есть только человеки и многотомные труды Ульянова-Ленина, который очень любил детей и жизнь свою прожил только для того, чтобы таким, как я, было потом хорошо. Вот только никто не говорил, когда это «потом» и как это «хорошо». А когда я об этом спросил учительницу, она зачем-то вызвала родителей и написала замечание в дневнике.

Вот тогда-то я и решил первый раз продать душу дьяволу. Я сидел в школьном коридоре и ждал, когда мой вызванный в школу папа закончит беседу с учительницей, а рядом сидел какой-то мальчишка и вертел пропеллер маленького игрушечного вертолетика. Вертолетик был как настоящий, даже пилот в кабине сидел. Я попросил у мальчишки вертолетик, только посмотреть попросил, а он показал мне язык, но игрушки не дал. Было обидно.

А потом вышел папа, он был сердит. Он сказал: «Пошли». И мы пошли. Всю дорогу папа молчал, а я думал, что дома мне попадет, хоть и непонятно, за что. А еще думал, что хо-

рошо бы продать душу дьяволу, вот только главное – не продешевить. Пожалуй, я бы выторговал у него вертолетик, как у того мальчишки, только лучше. И чтобы у пилота парашют был. И еще я бы хотел, чтобы дома меня не ругали.

Душу продавать я не боялся, так же, как не боялся и дьявола. А чего трястись от страха, если ни того, ни другого нету?

После я еще неоднократно желал продать душу. Желал перед вступительными экзаменами в институт, когда, пытаюсь докричаться до бога (в которого злостно не верил), натыкался на тотальный игнор со стороны последнего. Желал в институте, когда за паршивый несданный зачет лишили стипендии. Жаждал, когда томился ночами, прислушиваясь к сладкому щему в сердце. Щемило, конечно, не без причины. Причину, кажется, звали Люськой, и ей было глубоко плевать на меня и на мои сердечные муки. И каждый раз я просил бога помочь мне, а когда натыкался на невнимание с его стороны к моим воззваниям, злился и звал дьявола. Но эта несуществующая зараза тоже не являлась.

Последний раз я пришел к выводу, что душу все-таки стоит толкнуть, с полгода назад. Только на сей раз я решил заняться этим вопросом всерьез. Подтолкнула меня к такому решению вечно недовольная жена, которой моя зарплата кажется непомерно маленькой, и сын, который считает, что я должен давать ему деньги на кафешку и киношку каждый день, а не три раза в неделю, и теща, которой я вообще не

направляюсь, как факт.

Перво-наперво я обратился к книгам. Перелопатил всю свою библиотеку и библиотеки друзей, а также районную и еще несколько позначимее. Ищите да обрящете! Мои копания не прошли даром, и я узнал целую кучу способов вызвать дьявола. Потом сдуру сунулся к сатанистам, но от этих придурков толку оказалось мало, и я быстренько порвал с ними все отношения. Вот только они до сих пор не могут с этим смириться: звонят, сыпят угрозами и достают мой автоответчик. Что с них взять? Секстанты-придурки!

Ну, да не о них речь. Как уже было сказано, я, полный решимости и горя желанием довести начатое до конца, основательно подготовился и приступил наконец к обряду. Это произошло две недели назад. Я взял на работе отгул, сказал домашним, что пошел на работу, и притаился на лесенке. Дождавшись, когда обожаемая жена уйдет на работу, а сын-разгильдяй отправится в школу за двойками и замечаниями, я вылез из своего укрытия и вернулся домой.

Теперь все надо было делать быстро. Я запер дверь, разделся, влез в тапочки и прошел в комнату. В душе нарастало волнение. Я остановился в дверях и прислушался к своим ощущениям. Меня прошиб холодный пот, кроме того, щемило сердце. Я поморщился, сунул под язык таблетку валидола и двинулся к центру комнаты, где стоял обеденный стол. Стол я отодвинул к окну, задернул шторы, закрыл дверь, в комнате воцарился полумрак.

Было холодно, а может, страшно. Меня всего колотила дрожь. Что такое? Чего я боюсь? Да ничего я не боюсь! Вот сейчас сосредоточусь и вызову дьявола, а он мне... Я зажмурил глаза и увидел солнце, море, счастливые лица своих близких и много-много денег. Не наших, а таких зелененьких, с портретами американских президентов. От этого зрелища стало легко, на душе потеплело и даже руки перестали трястись.

Я опустил на колени, уверенно взялся за край ковра и отдернул его в сторону. Под ковром, прямо на паркете, была начертана пентаграмма – моя работа. Я улыбнулся и приступил к выполнению обряда. Не буду утруждать вас подробностями, если захотите, прочтете о них в другой книге. В конце концов, я полгода за этой информацией по библиотекам лазал и не собираюсь ее запросто так выдавать каждому встречному-поперечному.

Но вернусь в комнату. Опыт удался на славу. Сначала завоныло тухлыми яйцами, или, как сказал бы какой-нибудь химик-биолог, появился запах сероводорода, потом возник и сам дьявол. Не явился в языках пламени и клубах дыма, а именно возник из ничего в центре пентаграммы.

Этакий фронт в модном костюме, с приятными чертами лица и бородкой клинышком. Какое-то время он пристально смотрел на меня, потом на лице его отразилась невообразимая ирония и лукавство. Мягкими изящными движениями он переместился из центра пентаграммы в мое любимое

кресло, потом улыбнулся и спросил:

– Душу решили продать, милейший?

– Добрый день, – невпопад поздоровался я.

– Добрый? – удивился дьявол. – День как день, похож на все остальные. Так чего вы от меня хотите? Или, пардон, я ошибся адресом, и меня звали вовсе не вы?

– Нет. – Я вдруг испугался, что он уйдет, и почти закричал: – Я! Это я вас звал!

– Значит, все-таки хотите душу продать, – довольно усмехнулся дьявол. – И как вы оцениваете свой товар?

– А что вы можете предложить? – в свою очередь задал я вопрос.

– Ну, кое-что могу. Только учтите, что возможности мои не безграничны. А то бывают такие субъекты, зовут, предлагают душонку средней паршивости и просят за это... Н-да. Так чего вы хотите? Славы? Признания? Долголетия? Богатства?

– Всего понемногу, – скромно ответил я.

– Хм, а у вас губа не дура, – усмехнулся гость.

– Так и я не дурак, – отозвался я. – Это возможно?

– Говорите, чего желаете, я запишу. Если вы захотите чего-то, чего я не смогу или не захочу вам дать, то скажу вам об этом.

Дьявол выхватил из воздуха пожелтевший лист пергамента, гусиное перо с обгрызленным кончиком и приготовился писать.

– Для начала я хочу пожить подольше. Это можно проверить? – начал я.

– «Подольше» – это сколько? – уточнил дьявол.

– Ну, лет до ста, пожалуй, хватит, – прикинул я.

– До ста возможно, – осклабился дьявол. – А то иной раз желают жить вечно. Или, как один хитрец, он попросил посмотреть на конец света. А у нас такое мероприятие даже не запланировано.

– Так у вас там и канцелярия своя? – удивился я.

– Бюрократы, – изящно отмахнулся дьявол. – Мы отвлеклись, чего еще желаете?

– Еще желаю, чтобы мои родственники меня пережили, – подумав, добавил я. – А то зачем мне долголетие, если все близкие покинут этот суетный мир? Впрочем, не буду зарываться и просить слишком многого, можете в порядке исключения умертвить тещу.

– Хорошо, – усмехнулся дьявол. – Все?

– Нет, я только начал. Еще я хочу...

* * *

– Ну, теперь-то все? – Прошло минут сорок, и дьявол уже начинал злиться.

– Почти. Еще я хочу денег. Немного, скажем, пятьсот миллионов американских долларов.

– Наличными? – сварливо поинтересовался гость.

– Нет, сойдет и счет в швейцарском банке.

– Хорошо. – Дьявол начертал что-то своим гусиным пером в самом низу исписанного листа. – Теперь все?

– Теперь все, – поразмыслив, согласился я.

Дьявол пробежал взглядом по списку, глаза его округлились:

– И все это вы хотите за одну душу?

– Если вам мало, могу предложить душу соседа сверху. Этот гад меня все время водой заливает, так что не жалко. Хотите? Забирайте в качестве нагрузки.

В глазах адского гостя вспыхнули огоньки, но тут же потухли:

– Нет, спасибо, – поморщился дьявол. – Я не могу забрать чью-то душу без согласия на то ее хозяина. Более того, согласие это должно быть зафиксировано в письменном виде, в противном случае является недействительным. Вот, кстати, договор, – он протянул мне лист. – Посмотрите, все ли верно, и подпишитесь.

– Где?

– Вон там, внизу, где печатка стоит.

– Угу. И чем писать? Кровью?

– Зачем? – скривился дьявол. – Есть же чернила. И вообще, я не выношу вида крови.

От последней реплики мне стало смешно, и, чтобы не расхохотаться, я предложил гостю переместиться на кухню и обмыть наш контракт. Дьявол согласился и первым выскочил

из комнаты. Когда же я переступил порог, демон уже по-хозяйски шарил в моем холодильнике. На стол была выставлена закуска, а сам дьявол принюхивался к содержимому бутылок.

– Святая вода есть? – с надеждой в голосе спросил он, выглядывая из-за дверцы холодильника.

– Нет, – опешил я. – Водка есть.

– Мне ваша водка, как вам молоко! В лучшем случае, как пиво безалкогольное. – Демон с тоской захлопнул дверцу. – По-настоящему я хмелею от святой воды.

Я пожал плечами, плеснул ему воды из-под крана и перекрестил стакан.

– Ничего не выйдет, – пробурчал демон, глядя на мои потуги. – Ты не священник и не святой.

– Ну так взяли бы и сотворили сами, – рассердился я.

– Смеетесь? – возмутился демон, вид у него стал совсем обиженным. – Я не могу сотворить ничего святого. Мне не то, что по должности, по сути своей не положено. Ладно, плевать. Ставьте чайник.

Я налил в чайник воды, поставил его на плиту и принялся искать спички, но конфорка уже горела. Я посмотрел на демона, тот хитро сощурился, подмигнул. Я сел за стол, гость взял с полки подсвечник и принялся внимательно изучать его. Ожидая, пока закипит чайник, я потянулся за пергаментом.

Сверху сияла, будто под листом держали зажженную свеч-

ку, надпись: «Контракт на приобретение души. Заключается между... и... Условия контракта». В самом низу посверкивала другая надпись: «Бланк договора типовой, тираж 1 000 000 000 экземпляров». В правом нижнем углу горела печать – маленькая изящная пентаграмма, все остальное было заполнено от руки самыми обычными чернилами. Почерк у моего гостя был великолепным. Таких правильных, изящных штрихов и линий я отродясь не видал. Все мои требования были изложены коротко и ясно, не прикопаешься. И размашистый вензель хозяина преисподней уже красовался под списком того, что получаю я, и одной строчкой, гласящей, что душа моя переходит в руки дьявола сразу же после моей смерти.

Закипел чайник, я положил договор на стол. Дьявол придавил пергамент подсвечником:

– Ну, подписывайте, чего ждете? – спросил он.

– Сначала чай, – спокойно ответил я, разливая заварку по чашкам.

К валявшимся на столе колбасе, хлебу и маслу добавились варенье, пастила и остатки «шарлотки», которую вчера испекла жена. Я поставил на стол исходящие паром чашки и приглашающе кивнул гостю, который в моем приглашении не нуждался, потому как уже жевал колбасу, откусывая прямо от батона.

Довольно быстро расправившись с колбасой, дьявол пригнул к себе чашку, сделал небольшой глоток и потянулся

к шарлотке. На полпути к пирогу рука его замерла и вздрогнула.

– Можно мне кусочек? – спросил он.

Я кивнул, и гость осторожно взял кусок пирога. Такое изменение в поведении дьявола насторожило и заинтересовало меня. С чего это вдруг он стал спрашивать разрешения? С того момента, как появился в моей квартире, он делал и брал что хотел, никого не спрашивая. А тут вдруг вспомнил про манеры. Да когда? Когда дело дошло до обычного яблочного пирога!

– Бесподобно, – промурчал демон. В отличие от батона колбасы, кусок пирога он не жрал, а смаковал. – Можно еще кусочек?

– А чего вы спрашиваете? – поинтересовался я.

– А как иначе? – удивился дьявол.

– Так же, как мое любимое кресло, мой холодильник, мою колбасу, мой подсвечник, – пожал плечами я.

– Так же не могу, – совсем расстроился гость.

– А что мешает? – не понял я.

– Я не могу создать подобное, – в голосе демона сквозила досада. – Я не понимаю сути, рецептуры, не познал секрета приготовления. Я могу создать любой рулет, любой торт, любое лакомство, произведенное на каком-нибудь хлебозаводе, но это другое.

– А в чем разница?

– Там штамповка, а здесь душа, индивидуальность. Этого

я еще не постиг. А пока не постиг, не могу создать. А нанести ущерб, который не в состоянии возместить, я не могу. Так можно еще кусочек?

– А если нельзя? – Я вдруг почувствовал какую-то силу, которая позволила мне дерзить самому хозяину преисподней.

– Ну пожалуйста, – заканючил демон.

– Хорошо, – согласился я. – Но не просто так.

– Все, что хочешь, – нетерпеливо возопил дьявол. – Я дам тебе все, что хочешь! Хочешь долголетие?

– На хрена оно мне? – удивился я. – Я и так его имею, согласно контракту.

– Контракт еще не подписан, – напомнил демон.

– А что это меняет? Вы даете мне долголетие, потом я подписываю контракт, и один из его пунктов мне становится не нужен. Не-е, так не пойдет.

– Хочешь долголетия для своих близких? Я даже тещу твою не трону. Хочешь денег? Славы? Женщин? Все земные блага?

– Зачем? – искренне удивился я. – Я все это поимею согласно контракту.

– А хочешь...

* * *

– Ну что мне еще предложить тебе, смертный? – пропла-

кал вконец измотанный дьявол.

Мы торговались с ним полтора часа. И оказалось, что моему гостю нечего мне предложить. Самоуверенность слетела с демона, как последний лист с дерева поздней осенью. От лоска и шика не осталось и следа. Волосы встопорщились, галстук съехал на сторону, пиджак шикарного костюма оказался расстегнутым и растрепанным. А во взгляде появилось то выражение, что совершенно не свойственно искусителям.

– Есть вариант, – смилостивился я.

– Какой? – загорелся демон.

– Моя душа остается при мне, – начал я. – В противном случае сделка просто не имеет смысла. Дальше, раз в неделю я обязуюсь жертвовать вам целый такой пирог.

– Щедро, – обрадовался дьявол. – А я?

– А вы раз в неделю выполняете мое желание. Сначала по списку, что означен в нашем так и не подписанном договоре, потом... Ну, потом видно будет.

В кухне стало жарко, так жарко, что затрещали обои на стенах. В глазах моего дорогого собеседника бешеными сполохами забилося адское пламя. Мне показалось, что еще чуть, и мир взорвется. Но взрыва не произошло.

– Ш-ш-ш-што-о-о?! – в бессильной ярости прошипел дьявол.

– Я дарю вам пирог, а вы взамен выполняете мое желание. И так каждую неделю. И так до тех пор, пока...

– Да как ты смеешь?! – взревел дьявол.

– Вас что-то не устраивает? Тогда возвращаемся к продаже души, а пироги отложим в сторону.

Демон подскочил со стула, дернулся к двери, потом назад, потом начал судорожно таять в воздухе, но передумал и вновь материализовался на стуле. Видимо, соблазн пересилил.

– Я, – дьявол задохнулся от потока чувств, которые захлестнули его грешную душу. – Я согласен, – выдавил он наконец.

– Хорошо, – кивнул я. – Тогда закрепим наш договор на бумаге.

Он все подписал. Смирил свой гнев и подписал договор. С тех пор прошло уже два месяца. Я живу вместе со своей семьей на одном милом островке посреди Тихого океана. Раз в неделю я заставляю жену печь пирог с яблоками, и раз в неделю исполняется очередное мое желание. Список пока не закрыт, а к тому времени, как указанные в нем желания будут исполнены, придумаю еще что-то. Это не так трудно.

Дьявол скрипит зубами, но договор соблюдает. Видать, соблазн и впрямь непомерно велик. Оно и понятно, что-что, а готовить моя жена умеет. Кстати, надо будет пожелать, чтоб она еще кое-чему научилась. Но это уже из другой области, нежели ее кулинарные способности.

* * *

– Ваше превосходительство, – окликнул мерзкий козлиный голос.

Дьявол вздрогнул и оторвался от книг. Рядом стоял рогатый хвостатый копытистый, каких полно в подземном пекле.

– Чего тебе? – резко спросил дьявол.

– Ваше превосходительство, ваш очередной замысел прогорел.

– Как?! – возопил дьявол.

– Как и в прошлый раз. – Черт попятился. – Одни угольки остались.

Дьявол взревел, от него пахнуло жаром, таков был его гнев. Черт отшатнулся, боязливо попятился и принялся подбостранно кланяться.

– Начните заново, – прорычал дьявол, чуть остывая. – Попробуйте уменьшить огонь.

Черт еще раз поклонился и, вспыхнув ярко-оранжевым пламенем, исчез. Дьявол посмотрел вдаль невидящими глазами и снова склонился над кулинарными книгами. Когда-нибудь он научится, он поймет, как готовить этот пирог. И тогда... Тогда он отомстит этому смертному, который посмел так обойтись с ним. Если только этот смертный к тому времени не достигнет большего могущества, чем он.

Дьявол принюхался, издалека тянуло паленым. Так пахли не горящие в аду мученики, так пах сгоревший яблочный пирог.

Кошмар на улице Долговязов

Рассказ написан в соавторстве с Сергеем Дорофеевым и Надеждой Агеевой

Не все события вымышлены, не все совпадения случайны.

Была пятница и, кажется, тринадцатое число. Впрочем, насчет числа Изя сомневался, поскольку вчера было одиннадцатое, а завтра семнадцатое. Но то, что пятница, – это точно, хотя, возможно, и среда. Мелкий противный дождичек, начавшийся еще с полчаса назад, вводил Изю в состояние уныния. В таком состоянии нужно было куда-то пойти и с кем-то выпить. Или с кем-то пойти и куда-то выпить. Он открыл первую попавшуюся страницу в первой попавшейся записной книжке, где громкими буквами по веселому белому полю шла звонкая, но записанная на букву «С» фамилия Либерштейн. Он долго вспоминал, кто бы это мог быть, но, так и не вспомнив, решил, что, пожалуй, Либерштейн ему подойдет. Изя решил позвонить данному субъекту, но, подойдя к телефону-автомату, обнаружил, что в книжке вместо телефона записан адрес: улица Долговязов, дом 13, квартира 666. Куда он и направился небодрым строевым шагом.

Звонок не работал, сколько он ни нажимал кнопку. Но дверь открыли сразу, по первому стуку. На пороге стоял мо-

лодой человек. Изя сразу вспомнил, где его видел – как ни странно, в этой же квартире.

– Здравствуй, Изя, дорогой! – произнес с грузинским акцентом Либерштейн, носящий громкое имя Фриц. – Вах, с чем пожаловал?

– С Изей, – ответил Вах.

– Молодец! Поставь его в холодильник.

Но в холодильнике стоять Изя не хотел, а потому, не обращая внимания на протесты непонятого Ваха, прошел в комнату.

В комнате было холодно и сыро, как в старом промозглом склепе. Изя сразу вспомнил свою бабушку – как она там, родная. Мысленно представил себе обглоданную черепушку и покосившийся гроб, смахнул скупую мужскую слезу. Обглоданный червями скелет подмигнул ему пустой глазницей: «Здравствуй внучек. Приходи, я по тебе соскучилась». Изю передернуло, он попытался отмахнуть столь чувственное видение. Но видение не отмахнулось. Тогда отмахнулся Изя. Видение, потирая ушибленное место, ретировалось.

– Вот ты, значит, как с бабушками! – голос был незнакомый и женский.

Изя повернулся. В углу у массивного дубового стола с резными ножками сидела невзрачного вида женщина. Которая при втором взгляде оказывалась весьма взрачной. Блеснула молния, захлопали окна, затрепетали занавески, из-под стола метнулась черная кошка, полетели вороны, зашумели ле-

тучие мышцы, забегали пауки, крысы, тараканы, запахло серой и луком, глаза женщины полыхнули дьявольским огнем. «Показалось», – подумал Изя. «Хрен тебе», – подумала женщина. В ответ Изя судорожно сглотнул.

– Ты кто? – спросил он, пытаясь совладать с непослушным голосом.

– Это моя жена, – вмешался взявшийся невесть откуда Фриц, – Глаша.

– Ты женат? – все еще пытаясь сглотнуть, спросил Изя.

– Да. Познакомились на очередном собрании секты еврей-антисемитов. Знакомься, Глаша, это Изя Иванов.

– Еврей? – подала голос Либерштейниха.

– Великоросс, – обиделся за друга Фриц.

– А почему фамилия такая нерусская? – не унималась женщина.

– Дурное наследство, – вывернулся Изя и попытался перевести разговор в иное русло. – И давно вы женаты?

– С тех пор как стали аскетами. Не пьем, не курим, не материмся.

– А спите... – полюбопытствовал Иванов, – на одной кровати?

– Конечно, – искренне возмутился Либерштейн, – на одной, двухъярусной. Она наверху, а я в соседней комнате.

Изя затосковал, поняв, что явно ошибся адресом. Повисла неловкая пауза. Настолько неловкая, что не смогла удержаться и шмякнулась об пол.

– Ну ладно, располагайся, я за водкой, в магазин, – нарушил молчание Фриц.

– Так вы ж не пьете, – радостно удивился гость.

– Мы и не пьем. Аскеза – понимать надо. Мы похмеляемся. Ну, я пошел, – хлопнул древней окосевшей дверью хозяин... и пошел...

Изя поежился, потом еще раз, и еще. Оставаться наедине с Этой: Глашей, Либерштейн, евреем, антисемитом, аскетом, женщиной – он хотел, а потому продолжил ежиться. Застывшая в сыром воздухе тишина не давала покоя. «О чем с ней говорить?» – металось в голове у Изи, и не только в голове. Впрочем, там металось нечто иное.

– Пить будешь? – спросила хозяйка.

– Буду.

– Предсказатель, блин. Садись, – похлопала она по дивану, который принялся весьма эротично вибрировать и постукивать.

Изя недоверчиво покосился на возбужденный диван, но приглашение принял. Диван крикнул: «Ай» – и успокоился. Изя тоже крикнул: «Ай», но успокаиваться не стал.

– Дзулик, Дзулик, Дзулик, – позвала кого-то хозяйка.

В комнату, путаясь в лапах, прибежала собака – по крайней мере, так вначале показалось. Как ни странно, но собакой она оказалась лишь отчасти, а точнее, от двух частей. С обеих сторон тело заканчивалось весьма выразительной задницей. Либерштейниха кинула под стол одну из обильно на

нем же валявшихся костей. За ней же устремилась и животинка. Снизу раздались довольные похлипывания. За процессом поглощения Изя решил не наблюдать, а потому перенес свое внимание на спрятанную под распахнутым халатом женскую фигуру:

– Красивое белье.

Хозяйка с подозрением оглядела свое тело:

– У меня ж его нет.

– Вот это и красиво, – подтвердил Изя и перешел к действиям.

Но ему помешали – две холодные, растущие из дивана, волосатые лапы схватили за ноги и с криками: «Моё, моё» принялись запихивать его под диван.

– Наше, – возразила хозяйка. – Ты отпустил бы его, аскеза все-таки.

– Бяка, – обиделись лапы и с ворчанием исчезли под диваном.

В мозгу Изя начали зарождаться смутные сомнения: «Что-то здесь не так. Опять показалось? Слишком часто кажется в последнее время. Вроде еще не пил. Или пил? Нет, я бы заметил. Или не кажется?» И сомнения продолжали зарождаться и сгущаться.

Страшный, скрежещущий, будто гвоздем по стеклу, звук вывел Изю из состояния глупой задумчивости. После столь триумфального рождения сомнения быстренько развились и... умерли.

– Сиди, это меня, – пояснила хозяйка и упорхнула в соседнюю комнату, к телефону, как оказалось.

– А-а-а-э-э-э... – возразил Изя и принялся коротать время осмотром помещения.

Помещение было вполне обычным для ненормального. Веселенькие занавески похоронного цвета, пара электрических стульчиков, уютная домашняя виселица, скелет в семейных трусах и бабочке, томик Пушкина в одном углу и головастик-переросток в другом. Противоположную стену занимала дубовая полка, заросшая мхом и грибами. Большинство книг были заботливо расставлены по сериям: Жизнь Замечательных Людей в автобиографиях: Ф. Крюгер, гр-ф Дракула, Помидоры-убийцы, броневик Ленина; Библиотека фантастики: А. Т. Фоменко, Программа партии, Учебник истории СССР с древнейших времен до 1867 г., «Как заработать миллион». А также иные непонятные книги с отдельными заголовками: «Гадание на спицах», «Вязание на картах», «Маячение на глазах», «Играние на нервах» и «Что-то на чем-то». Левее полка стену украшали плакаты с изображением популярных футболистов. Тот факт, что люди на фотографиях были всего лишь изображениями, отнюдь не мешал им проводить матчи, перегоняя мяч с одного плаката на другой. После очередного гола в ворота «Спартака» Изя плюнул на глупую игру (что, впрочем, не помешало футболистам сделать то же самое) и, утеревшись плевками знаменитостей, перешел к созерцанию главной достопримечатель-

ности любого дома – стола.

На столе был развал. Книжки, полная бычков в томате пельница, объедки, пустые бутылки, колода карт. Все это было тщательно приготовлено и щедро усыпано каким-то порошком.

Изя повернулся – в дверях стояли оба Либерштейна и двухзадая собака. Повернулся еще раз – Либерштейны исчезли. «Без них скучно», – решил Изя и повернулся в третий раз.

– Ты чего такой замороченный? – заботливо поинтересовался Фриц.

– Мне кажется, что я схожу с ума, – мрачно разъяснил Изя. – Мне кажется...

– Это не тебе кажется, это нам кажется, – перебил его хозяин и, видя, что гость ничего не понял, добавил: – Это наши глюки. Мы вторую неделю похмеляемся, вот и глючит. Кстати, за это мы еще не похмелялись. Выпьем?

– Угу, – согласился Изя.

Компания расселась вокруг стола, на столешнице устроились толпы бутылок, одна из которых оказалась тут же откупоренной... и там же закупоренной. Изя выпил и почувствовал, что ему становится спокойно, даже несмотря на выпорхнувшие из стакана глаза. То есть выпорхнули-то они не сразу, сперва тарачились на Изю со дна стакана, потом активно подмигивали, а уж потом вылезли наружу и уставились на почти пришедшего в себя гостя.

Иванов явно пришелся им по вкусу. Они очаровательно моргали, ощупывали его взглядом, потому как больше нечем было, чуть не в штаны заглядывали. «Все в этой квартире озабоченные», – вяло подумал Изя. «Да», – бодро ответили все. Глаза еще чуть поморгали и после тоста хозяина: «Ну, еще по одной» – куда-то исчезли. Видимо, на дно очередного стакана.

Пьянка пошла в своем нормальном ритме, то есть «между первой и тридцать второй промежутка нет вообще». Изя помаленьку приходил в себя.

После седьмого (а может, и восьмого, Изя уже не считал) тоста в комнату вломился голый мужик:

– У вас будильника нет?

Глаша походя ткнула огромным странным каким-то пальцем в огромные старинные напольные часы. Мужик с сомнением посмотрел на часы, тоскливо спросил:

– А поменьше?

– Поменьше нет, – с сожалением произнес Фриц, который от выпитого стал плаксивым и сентиментальным.

– Ребята, а вы меня завтра в семь утра не разбудите, а то на работу опоздаю. – Мужик смотрел умоляюще.

– В семь чего? – ехидно поинтересовалась Глаша и снова указала на часы.

Изя проследил за направлением ее руки и только теперь обратил внимание на то, что часы идут в обратную сторону. Секундная стрелка с упорством, достойным стада ослов,

перла от пятого деления к четвертому, от четвертого к третьему, от третьего ко второму, дальше к первому, потом на секунду застыла в поисках нуля, и снова продолжила свой ненормальный путь.

Когда Изя вернулся к столу, из-за которого и не выходил, мужика в комнате уже не было.

«Бред какой-то, – подумалось Изе. – И вообще, если это все пьяные глюки, то почему они появились прежде, чем я напился». Изе стало страшно. Он побледнел, позеленел, пошел красными пятнами, затем пробежался по всему спектру и остановился на бирюзовом – своем любимом. Еще страшнее и бирюзовой ему стало через несколько секунд, когда по всему дому пронесся дикий рев. Гость задрожал и обернулся к двери. В проеме застыл огромный силуэт. Тело чудовища покрывала блестящая чешуя, с огромных, в полруки длинной, клыков и в полклыка рук стекала ядовитая слюна. Мелкие глазки пылали злобой, крупные – отсвечивали ненавистью. Изя почувствовал, как волосы зашевелились на макушке, волосы почувствовали, как зашевелился Изя. «Еще чуть, и штаны намокнут», – испуганно пробежало между шевелящимися. Чудище приблизилось, приняло картинную позу и проревело:

– Трепещи! (Мог бы и не предупреждать, Изя и так дрожал как осиновый лист.) Трепещи, ибо смерть твоя пришла к тебе в моем лице. Я Бред Сивкобыл...

Конец блистательной речи потонул в истерическом хох-

те. Изя смеялся от души, мстя за пережитый ужас.

– Ты чего? – не понял Сивкобыл. – А ну-ка полчаса бо-
яться!

– Тебя? – сквозь смех прохрипел Изя. – С таким-то имеч-
ком?

– Ну вот, опять. – Чудище растеряло всю свою грозность,
а заодно и некоторые части тела, но, видимо, решило не со-
бирать их и отрастило новые. – Я такой страшный, а меня не
боятся. И главное – из-за чего? Из-за имени. Каждое самое
завалящее зло имеет звучное имя: Сатана, Люцифер, Драку-
ла. Даже Фреди Крюгер и тот звучит, а я... Все, уйду из чу-
довищ в клоуны.

– Да ладно тебе, – пожалел Изя. – Не расстраивайся. Давай
выпьем.

– Наливай, – то ли с горя, то ли с потолка заревело чуди-
ще. – Хоть напьюсь, может, полегчает.

Опрокинув пару стаканов, чудище стало еще страшнее, да
еще и раздухарилось:

– Сейчас как пойду, – похвалялось оно перед Изей. – Как
напугаю!

– Кого?

– Их, – чудище ткнуло лапой в сторону Либерштейна с
супругой.

– С таким-то имечком? – усмехнулся Изя.

– Что в имени тебе моем? – пафосно возмутилось чудище.

– Ничего, но только сам же сказал, что имя должно быть

звучным и устрашающим.

– И что мне делать? – расстроилось чудовище.

– Не называй имени, – пожал плечами Изя. – Или псевдоним возьми.

– Псевдоним? – заинтересовалось чудище. – Какой псевдоним?

– Звучный. Пердимонюкль, например. Или... Ну я не знаю: Кровавый Джек, Черный Ужас, Вася Страхов...

– Это идея, – пьяно заухмылялось чудище. – На ком попробуем?

Бывший Сивкобыл плотоядно оглядел комнату.

– Тренируйся вон, на кошке, – отмахнулся Изя. – Или на собаке, на худой конец.

Сивкобыл повернулся к двузадому псу, пустил слюни и проревел на худой конец:

– Трепещи, ничтожная тварь! Ибо я – смерть твоя, Кровавый Пердимонюкль Вася Страхов пришел за тобой.

Эффект оказался сильнее всяческих ожиданий. Бедная собака поджала оба хвоста и бросилась бежать. Правда, в разные стороны. Окрыленное (в прямом смысле) таким успехом чудище повернулось к кошке и повторило тираду. Черная кошка медленно поднялась, вместе с ней поднялась и шерсть на ее загривке, а также иные части тела и органы, причем на разную высоту. Бедное животное от ужаса вспрыгнуло на стол, опрокинув бутылку водки, и выскочило в окно.

Содержимое опрокинутой бутылки медленно растеклось по столу, заливая лежащие рядом книги и карты.

Изя хотел промакнуть лужу, но не успел. Водка молниеносно впиталась в колоду. Иванов подобрал карты и с изумлением и Либерштейнами обнаружил, что лежавшая нижней дама червей выглядит совершенно пьяной. Следовавший за ней пиковый валет смотрелся не лучше. Изя решил разложить пасьянс, и вскоре одна за одной прямоугольные картинки шлепались друг на друга со сладострастными ахами и вздохами.

– Надо же, – заметил Изя. – Все как у людей. Я бы тоже на эту червовую даму без стакана и не посмотрел...

Когда громкость карточных воздыханий превысила все разумные, неразумные и псевдоразумные пределы, Изя брезгливо бросил колоду и вытер пальчики белоснежным кружевным платочком:

– Тьфу! Точно все озабоченные!

– А хошь, мы тебе погадаем? – спросила развеселая бубновая дама, сползая с трефового валета.

– Это идея, – подхватил кто-то, прежде чем Изя успел что-то сообразить.

Карты сами собой перетасовались и разлеглись на кучки. Верхним вывалился трефовый туз. Даже при своем полном незнании карт, Изя знал, что туз треф означает казенный дом. Карты наперебой принялись что-то объяснять, молчание сохранял только туз треф.

– По-моему, ему расклад не понравился, – озадаченно произнесла дама треф.

– Давай попробуем еще раз, – предложила червонная дама.

– Давай, – согласился пиковый король.

Дама дала, и карты переразложились, отпуская шутки и ехидные, а порой и наглые подколки. Последним лег трефовый туз.

– Ты опять? – возмутился Изя.

– Тебя посодют, а ты не воруй, – поведал туз.

– Это трефовый что ли? – спросил туз бубей. – погоди, Изя, друг, сейчас мы его закопаем.

Карты собрались в кучу, замельтешили на месте, словно играли в кучу-малу, потом снова разлеглись на столе. На самый верх вылез потрепанный трефовый туз:

– Песню дружбы запеваешь молодежь, – пропел он не то для Изя, не то для остальной колоды. – Эту песню не задушишь, не убьешь!

– А это мы сейчас проверим, – взревел Изя, схватил туза и разодрал на четыре части.

– Ты что?! – заорали части истончившимися голосами. – Я ж пошутил, дурак! А ты... новую рубашку порвал! Я маме пожалуюсь!!!

Слезно причитая, обрывки туза сбежали в неизвестном направлении. Изя посмотрел на карты. Карты посмотрели на Изю, но без своего трефового собрата новый расклад испол-

нять отказались. А дама червей даже всхлипнула и поведала, что ей бедняжку Тузика жаль, а Изя скотина, и вообще все мужики скоты и сволочи, а кто не сволочь, тот урод. Изя с горя опрокинул стакан и огляделся. Не увидев ничего интересного, опрокинул еще один и огляделся вновь. После чего решил, что стоит оглянуться еще раза три-четыре. Со стены неся отборный грузчицкий мат. Один из футболистов с воплем «Судью на мыло» засветил последнему в челюсть, другие присоединились, началась драка. Под звонкий смех сатанинской Глаши... То есть, под сатанинский смех звонкой Глаши выло несчастное чудовище:

– А ну-ка, всем полчаса бояться!

– Вот еще, – брезгливо отвечала ему хозяйка. – Буду я всяких Монопердоклей бояться.

– Все! – орало обиженное чудовище. – Ухожу из Пердимонклей в Сивкобылы!

Двулик втихаря, поставив передние задние лапы на стол, тырил что-то еще съедобное, весело болтая одним хвостом и воровато поджимая другой.

Фриц, сидящий в обнимку с десятикилограммовым арбузом, набрал водки в шприц и, напевая «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», вкатил содержимое шприца в полосатый арбузий бок. Довольный арбуз пустил пару пузырей. Довольный Фриц хмыкнул и, пропев «Выпьем и снова нальем», набрал в шприц новую порцию водки.

Часы в углу начали бить девять вечера. Из маленького

окошечка с истошным воплем «Ук-ук, ук-ук, ук-ук» выпрыгнула укушка. Над всем этим хаосом летали пьяные глаза с потрескавшимися от бессонницы жилками и пытались косо посмотреть друг на друга.

Изя с тоской и страхом потянулся за бутылкой.

* * *

«Утро туманное, скатертью дорога», – звучал в голове посторонний голос. Изя повернулся, голос смолк, вернее сказать, растворился в барабанной дробь.

«Однако, как активно меня выставляют», – подумал Иванов и открыл глаза. Никто его не гнал. Он лежал на самой обычной кровати в самой обычной квартире. И барабанная дробь в голове была самым обычным отголоском подступающего похмелья. Изя огляделся и не нашел ничего странного. На стене висели самые обычные плакаты, на столе лежала самая обычная колода карт, которую покрывал самый обычный трефовый туз. Часы тикали, отсчитывая положенные им секунды в заданном направлении. И даже собака, что лежала тут же у кровати, была самой обычной, то есть имела один зад и одну голову. Чертовщина какая. Это дерьмо собачье... Тьфу, точнее сказать, эта собака дерьмовая такая же, как и все прочие. Теперь отчетливо стало видно, что это миттельшнауцер, а вчера можно было только догадываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.